

Станичный врач Евлампий Дорофеевич Стихеев осмотрел мальчонку, узнал про трудную судьбу молодой матери, но про кары напоминать не стал, не его это предназначение, а только обнадёжил её, что, может, и перерастёт Кирюша свой порок.

Не перерос. Что творилось в его рыженькой головке, никто предположить не мог. Говорить он начал очень поздно, и понять могли его только самые близкие — мать Мелания и сердобольная бабка Гапка. Когда же он не мог объяснить, чего хочет от окружающих, то капризничал, злился и топал босыми ногами, всем своим видом показывая, какие ему bestолковые попались собеседники.

По казачьим представлениям Кирилл был байстрюком, и в метрической книге Свято-Серафимовской хуторской церкви вместо имени отца было вписано: незаконнорожденный. Звучало как суровый приговор. А вот отчество было проставлено вполне приличествующее — Богданович. Бог значит дал. Священники на этот счёт всегда говорили: «Любому новому человеку радоваться надо, и младенец не виноват в том, что он явился в мир наш не как все».

Хуторской писарь по прозвищу Крючок, записывая новорождённого в алфавитный список хуторян, пробурчал себе под нос:

- Падают нравы, падают...

А сам, искоса поглядывая на располневшую после родов Меланию, всё прикидывал, а можно ли такое падение нравов применить к общению с молодой красивой казачкой. Но подобного не удалось, и от его безуспешной попытки осталась явственно проступившая шишка над бровью. Это Мелания чугунным ухватом отстояла свою уже однажды поруганную честь.

Тот же писарь занёс маленькое семейство Дробышевых в другой список — нуждающихся в выделении доли из урожая хуторской общественной запашки. Когда по осени к куреню подъезжала подвода и с неё сгружали чвалы по едоцкой норме по полтора пуда в месяц на едока, то Меланья расписывалась в шнуровой книге станичного хлебного магазина и начинала сразу беречь до следующего урожая каждое зернышко.

Агриппина умерла, когда Кирюше пошёл десятый год, и в отсутствие наследников Гапкин курень записали на Меланию. Снова в этом деле ретиво помогал хуторской писарь, надеясь, что, может, размягчилось сердце совсем не вдовушки и уже давно не девицы. Конечно, желающих заглянуть на подворье, а потом и под подол Мелании было хоть отбавляй!

Своими старательными руками она кормила себя и своего маленького Кирюшку. С ранней весны и до поздней осени ходила она по казачьим куреням и справляла разную домашнюю работу. Белила перед Пасхой строения на усадьбах, выполняла подённые работы в чужих домах, вымешивала сама и выдывала в деревянных формах сотни саманных кирпичей для дворовых построек и занималась поливом огородов там, где по каким-то причинам не хватало рабочих рук.

По пятаку складывала Мелания своё заработанное богатство в жестяную коробку из-под монпансье, которую прятала за божницу. А Кирюшка, увидев это и, конечно, не понимая, что он делает, взял эту коробочку да и пошёл по хутору раздавать каждому встречному-попереч-

Когда настоятель Свято-Серафимовской церкви отец Евлампий накладывал на рыжую головку мальчонки свою мягкую, пропахшую ладаном руку для благословения, то юный прихожанин, словно проникаясь истовым религиозным чувством, смотрел на него исподлобья и затихал. Он переводил взгляд на икону святого Кирилла, затем на купол храма. Показывал, значит, что на него тоже снисходит Божья благодать. И что он мог в этом понимать?

Мать его, придя из церкви, отбивала поклоны перед святым углом и молилась о даровании разума своему любимому чаду. Но от любых молитв, даже от самых проникновенных, ума, к сожалению, у него особо не прибавлялось. Хотя некоторые хуторяне справедливо считали, что с годами у Кирюши

кой-нибудь хуторской ухарь подскажет Кирюшке любую жизненную тему, и тот следует ей несколько недель, а весь хутор потешается. Сказал хуторской балагур Дык-Дык, что пора Кирюшке за три моря собираться, тот и ходит по хутору, сухари по куреням собирает, холстину на парус и соль, чтобы море посолить.

Или убедили несчастного, что его в школу берут и он захлебывающимся от счастья голосом начинал рассказывать, как он хочет учиться и каким после учёбы станет умным. При этом показывал всем старший, в чернильных разводах пенал и затасканную тетрадь, в которую шутники наставили красными чернилами жирных двоек и объяснили будущему ученику, что это и есть самые лучшие оценки.

Иногда Кирюша подходил к ограде швечиковской

вая, и отдавал мало кому понятные bestолковые команды:

- Вам сеять озимые вдоль по улице, а вам — яровые по перёк...

- Всех баб — на действительную службу, а казаков — к печи...

- Изгороди из камня в хуторе разобрать и дорогу до самой станицы вымостить...

- Собирайте синьку, небо будем поновлять, чтобы его ещё синее сделать...

Не успел Кирюшка дойти до вдовьего кутка, как атаман Тимофей Богучарсков узнал, что временно у него власть, данную ему единогласно хуторским обществом, отобрали озорники и передали не кому-нибудь, а увечному, а потому достойному лишь жалости человеку.

А вот молодого казака Брыкова с его друзьями Богучарсков жалеть не стал. Игршечные символы власти он у такого новоявленного атамана отобрал и ими же так отходил на дубках шутников, что они после этого, завидев рыжеголового юного казачка, бежали от него стремглав и подальше, а то и вовсе в соседнюю балочку, в сторону хутора Жабчики.

Однажды, перед призывом на действительную службу молодых казаков, заявился в Швечиков бродячий фотограф. Он прошёлся со своей громоздкой треногой и тяжёлым ящиком с фотоаппаратом по куреням и запечатлел будущих защитников престола и Отечества при полном параде и с оружием. Это чтобы потом в горницах развесить фотографии в рамках на стенах на вечную, как говорится, память.

Кирилла Богдановича Дробышева никто в перепись призываемых казаков не включил, а вот в старенькой, но чистой гимнастёрке, с португеей и в фуражке, с выпущенным волнистым чубом, в одном из куреней сфотографировали. Мало того, ещё и недешёвую фотографию в резной рамке подарили его матери. Смущённая Мелания не сразу поняла, радоваться ей или огорчаться от такого подарка. Но потом, увидев, что подвоха вроде нет, повесила его на стену.

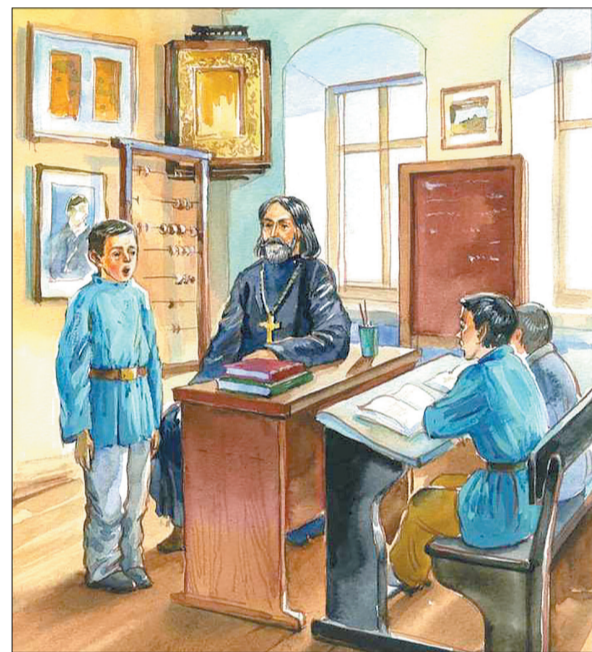
Пусть будет так же, как у всех!

Сергей Сполох,
член Союза писателей России

Примечание:
Все иллюстрации, использованные в настоящей статье, взяты из архива автора и общедоступных источников.

У плетня.

В церковно-приходской школе.

ному заработанные таким тяжёлым материнским трудом медные грошки.

Одни хуторяне взяли их, поблагодарив Кирюшку, а потом занесли обратно разстроенной матери. Но не все пяточки вернулись в коробочку. Такое тоже бывает.

При своих блужданиях по хутору Кирюша часто заходил в лавку торгового казака Карापыша. Долго-долго рассматривал разложенные и развешенные товары. Спешить ему было некуда! Особенно ему нравилась маленькая деревянная лошадка. У неё было седельце из обрезков настоящей кожи, из них же уздечка и прочая упряжь. Даже копытца выкрашены чёрной краской и к ним приделаны маленькие подковки. Мечта любого казачонка! Однажды лавочный приказчик дал незадачливому покупателю подержать такую красоту и очень сильно об этом пожалел. До самого вечера не могли забрать у него прижимаемую к груди игрушку. Никакие уговоры не помогали! Больше Кирюше в этой лавке ничего в руки не давали.

прибывало хитрости. Об этом можно было судить по тому, как он стал добывать себе пропитание. Никогда и ничего не выпрашивая, становился у ворот казачьей усадьбы и долго смотрел на двор и его обитателей. Как они ни пытались попрытаться от его пристального взгляда, но всё равно не выдерживали и выносили что-нибудь поесть, а то и усаживали на лавку перед плетнём и кормили тем, что осталось от домашней трапезы.

Кирюша с каждым годом своего взросления начинал всё лучше и лучше говорить, хотя с трудными для понимания выражениями и с беспрерывным заиканием. В его глаза никто не старался заглянуть. В них будто крылся немой укор:

- В чём я виноват-то? Вот вы все нормальные, а я такой уродился...

Иногда на Кирюшку снисходило просветление, и он, как будто со здравым смыслом, рассуждал грамотно и обстоятельно. Но это казалось только ему, а остальные всё равно хохотали. Иногда ка-

церковно-приходской школы и стоял, наблюдая как резвятся школьники на переменах. А то и усаживался на ветку старого развесистого тополя и смотрел через окно в класс, при этом подражая ученикам, тянул вверх руку и будто просился к доске. И всё это до того момента, пока школьный сторож и он же по совместительству истопник старый дед Макар Рядичный по прозвищу Рядок не подходил и не начинал уговаривать Кирюшку:

- Иди отсюда, мил человек, учителя ругаются. Уж сильно школьников ты от уроков отвлекаешь.

Не до конца понимая, что такое уроки, он с дерева слезал и шёл по хутору куда глаза глядят. Так было привычнее.

Однажды юный пересмешник Дык-Дык без труда убедил хуторского дурачка, что того избрали атаманом и даже символы атаманской власти — пернач и булаву, вырезанные из липового дерева, вручили ему у дубков на берегу Донца. Ходил Кирюшка по хутору, беспорядочно ими размахи-

